

Мы поэты... А, значит, нам так и надо!
Не впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладкозвучным елеем.

Мы поэты... И место наше в буфете.
Не на сцене и даже не на галерке.
Не в борделе, тем паче не в госсовете,
Где прозаседались тузы-шестерки.

Хоть буфетчица не похожа на музу,
Но зато без всякого промедленья,
Видя в каждом потенциального мужа,
Нам плеснет в бокал сто грамм вдохновенья.

...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а пуще — Вере, Любви, Надежде...
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поименно — другие. По сути — те же.

Пусть поэзия — площадная девка —
Откликается на любое имя.
Но при этом помнит с тайной издевкой,
Что от веку зовут ее — Магдалина.

**ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА
ИОАННА СНЫЧЕВА**

Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
Наши пальцы — крепким никотином...
С этим, право, что-то делать надо бы —
С этим неизбывным русским сплином.

С этим, право, что-то делать надо же,
А не делать вид, что так и надо...
Зябкий свет осеннего Приладожья
Не пророчит чаемого лада.

И почти на равных — до обидного! —
Наш вопрос не одарив ответом,
Прочь струится фимиам молитвенный
И дымок лукавый сигаретный.

...Мы не извращенцы и не нытики,
И не суицидники по пьяни,
Но боятся психоаналитики
Нас, великий Отче Иоанне!

Крепким никотином заарканены
В этой зябкой северной столице,
Чем мы так смертельно в душу ранены,
Что и смерть нас до смерти боится?..

* * *

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое — истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в черта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдает.

Здесь прослыла я чумовой заразой,
Отнюдь не ради красного словца
Клеймя навзрыд рифмованною фразой
Подонка, графомана, подлеца.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...

... Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить — черт возьми! — в себя!

* * *

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с медом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
И с хреновиной редька — ах!
...Пьет шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку
Недоделанный супермен,
Ободравший страну, как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду — не позабуду
Голливудский его оскал...
Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни — я все сказал!

* * *

Овладев античным гекзамэтром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где всю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Ранюю запекшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издевкой,
На меня глядит со всех сторон —
Петербург — от Лиговки до Ржевки —
Что похож на обморочный сон.

Презирая суетные контры,
Он летит гекзаметром в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только все же не переглядит.

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчужденной стужей,
Они теперь летят за облака —
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чем-то несерьезном,
Ведь надо же о чем-то говорить.
И ты вдруг понимаешь — слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнес,
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил... Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землею облака.